подлинно она спасет многих, подобных мне, заблужденно мыслящих, от таковой погибели, в которую я себя ввергнул подлинно от слабого своего рассудка».

Шешковский спросил: «Начиная с стр. 306 по 340 между рассуждениями о цензуре помещены и сии слова — следуют приведенные выше строки о царе, — то как вы об оных словах думаете?»

Радищев ответил: «Признаюсь, что они весьма дерзновенны, но никак не разумел тут освященныя ее императорского величества особы, а писал подлинно о царях, известных по истории, которые ознаменованы в свете в прошедших веках, могу сказать, дурными поступками. Напротив же сего что я могу сказать о такой самодержице, которой удивляется свет, ее премудрому человеколюбивому правлению, как одно только то, что я ее прогневал, как бы исступивший в то время из ума, писал те дерзкие слова без основания такого, как я всегда благоговел к освященной ее императорского величества особе в душе моей» (Дело, л. 34—35).

Радищев на допросе и на суде принял всю «вину» исключительно на себя одного, в своих показаниях он стремился отклонить малейшее подозрение на «сообщников» вроде гр. А. Р. Воронцова или П. И. Челищева. Конечно, на самом деле упрек в «несообразностях» относился не к «царям, ознаменованным в прошедших веках», а к современникам — Фридриху II, Иосифу II и Леопольду II; по одному пути с ними шла и Екатерина II, и она правильно поняла прямую (но не единственную) задачу как этой главы, так и всей книги — «убавить любовь и почтение» к самодержавию.

Радищев пишет в оде «Вольность» (полной редакции): «Власть царска веру охраняет, власть царску вера утверждает, союзно общество гнетут — одно сковать рассудок тщится, другое волю стерть стремится, „на пользу общую“ — рекут. . . Покоя рабского под сенью плодов златых не возрастет; где все ума претит стремленью, великость там не прозябет. . .» (строфы 10—11). К одной только «словутой» стране стремилась душа поэта, туда, «гнетом где согбенна лежала вольность попрана». «Ликуешь ты! — обращается он к этой стране, — а мы здесь страждем! Того ж, того ж и мы все жаждем. . .» (строфа 46).

Единственным государством, где, по мнению Радищева, достигнута была вольность путем борьбы за нее всего народа, был Союз Северо-американских соединенных штатов. Вашингтон и Франклин были вождями в этой борьбе и в глазах Радищева величайшими общественными деятелями всех веков. Законодательство молодой республики считал Радищев наиболее совершенным. «Американские правительства, — пишет он, — приняли свободу печатания между первейшими законоположениями, вольность гражданскую утверждающими» (334). Очевидно, их примеру должны последовать, по его мнению, правительства и других стран. Желанной свободы не было и не могло быть ни в одной из европейских монархий; всюду к ней вела «перемена» (революция), подобная той, которую произвели американцы в 1776—1783 г. В их борьбе за независи-